становится обыкновенным и даже скучным делом. Но тайна не убывает и тихо понуждает, приоткрыв ее, ею заняться. Такая попытка предпринята с осознанием того, что окончательной ясности и полноты достичь не суждено, что в лучшем случае сможем сформулировать вопросы, высказать некоторые предположения ради открытия хотя бы немногие заповедные уголки живой и прекрасной страны – духовного творчества созидавшего монастырский мир Нового Иерусалима во славу Святой Руси в созерцании образов Небесного Иерусалима.

© Васильева Е.Е.,
© Кручинна А.Н.,
© Шмидт В.В.

ХАРАКТЕРИСТИКА ВОЛОГОДСКОЙ ЕПАРХИИ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

В течение своей истории название и границы Вологодской епархия менялись неоднократно. Начало ее можно отнести к 1383 г., когда территориально она была выделена из Ростовской епархии под именем Великопермской и Усть-Вымской. С 1492 г. епархия именуется Великопермская и Вологодская, в 1556 г. — Вологодская. В 1657 г. с приписанием Пермского края к Вятской епархии, а Белозерского к Вологодской епархия стала именоваться Вологодской и Белозерской. В 1682 г. из неё была выделена Велико-Устюжская епархия.

В 1780-е гг. в связи с учреждением губерний и упразднением Велико-Устюжской епархии (в 1788 г.) границы Вологодской епархии совпали с одноименными губернскими, не изменявшимися до 1917 года. С 1796 г. епархия получает название Вологодская и Великоустюжская, под которым существовала в рассматриваемый период и действует в настоящее время.

В ходе церковно-территориального деления конца XIX- начала XX вв. в составе Вологодско-Устюжской епархии в 1868-1876 гг. выделяется Тотемское викариатство. Ему на смену в начале 1888 г. открывается Велико-Устюжское викариатство с учреждением в Великом Устюге кафедры епископа

Устюжского, викария Вологодской епархии. Вологодский епископ стал именоваться Вологодским и Тотемским. В конце 1909 г. учрежден пост второго викария с титулом «Епископ Вельский». Таким образом, в 1911 г. наличный состав служащих Вологодского Епархиального Ведомства был представлен следующими лицами: Епархиальный Преосвященный Никон, епископ Вологодский и Тотемский, член Государственного Совета; 2-й викарий в г. Вологде Преосвященный Антоний, епископ Вельский, 1-й викарий в г. Великом Устюге Преосвященный Алексий, епископ Велико-Устюжский.

В рассматриваемый период западная граница Вологодской епархии пролегала за Кубенским озером, с юга занимала нынешние Вологодский и Грязовецкий районы Вологодской области, на Севере – современные Вельский и Котласский районы Архангельской области, на северо-востоке захватывала входящий теперь в Архангельскую область Яренский район, всю современную республику Коми, доходя до реки Печоры.

По конфессиональной принадлежности Вологодский край можно отнести к монорелигиозным регионам. В 1876 г. 99% (ок. 1 млн. чел.) вологжан являлись православными, 1% населения исповедовали старообрядчество (ок. 3,5 тыс. чел.) либо другие религии - католичество (474 чел.), иудаизм (472 чел.), протестантизм, лютеранство (320 чел.), ислам (38 чел.)[1].

Край представлял собой типично крестьянский регион, занимавший обширную территорию протяженностью 353882 квадратных верст[2], с низкой плотностью населения - в 1883г. здесь проживало 1128666 человек[3] - и растянутыми коммуникациями. Границы епархии, принявшие очертания Вологодской губернии, включали в себя 10 уездов: Вологодский, Вельский, Грязовецкий, Кадниковский Никольский, Сольвычегодский (самый крупный,

[1] Статистический сборник изданный Вологодским губернским статистическим комитетом. Т.3 Вологда.:Типография Вологодского Губернского Правления, 1883. С.27.

[2] Там же. С.1.

[3] ГАВО. Ф.496. оп.1. Д. 11476. Л. 1.

занимал почти половину площади губернии – 148871 кв. версту), Тотемский, Усть-Сысольский, Устюжский и Яренский (наиболее отдаленный и бедный, заселенный коми - зырянами). Такая территориальная структура сохранялась до 1918 г., когда из Вологодской епархии была выделена Великоустюжская епархия. Вологодская епархия была одной из крупнейших среди российских епархий.

Приходская система епархии претерпевала изменения в соответствии с естественным ростом народонаселения края и изменениями приходской сети в ходе проводившихся реформ духовного ведомства. К началу рассматриваемого периода, в 1847 году, в 10 уездах губернии насчитывалось 745 приходов[1], в 1860 г.- 680, 1900 – 719, к концу периода, в 1914 г., – 664 прихода. Монастыри отличались в этом отношении относительным постоянством. Сократив в XVIII в. в результате секуляризационных процессов почти на половину свою численность., они на протяжении десятков лет XIX в. сохраняли достигнутое количество – от 21 до 18 обителей[2]. На рубеже XIX - XX веков, когда наметился подъем монастырской жизни, их стало вместе с приписными 24, в конце рассматриваемого периода - 30[3].

В клире епархии в 1860 г. состояло 2279 человек, из них 771 священник и 168 диаконов. К 1910 г. общий состав клира сократился до 2013 человек за счет уменьшения числа псаломщиков[4], но увеличилось количество священников и диаконов – 848 и 295 диаконов. С учетом огромной территории Вологодской губернии и естественном росте народонаселения, численность православного духовенства в крае была явно недостаточна. На каждого священника на Вологодчине приходилось от 500 до 1500 человек (в Усть-Сысольском уезде, к примеру, каждый пастырь окормлял от 1000 до

[1] С.С. Смирнова. Вологодская и Великоустюжская епархия. / Количество приходов, численность духовенства. // Православная энциклопедия…с. 246.

[2] ГАВО. Ф. 496. Оп.1. Д. 11476. Л. 1-1 об. ; Статистический сборник изданный Вологодским губернским статистическим комитетом. Т.3. Вологда.:Типография Во логодского Губернского Правления, 1883. С.55.

[3] ГАВО. Ф. 496. Оп.1 Д. 18729. Л. 9 об. ; Камкин А.В. Православная церковь на Севере Росси: Очерки истории до 1917 года. Вологда, 1992. С. 87.

[4] Вологодская и Великоустюжская епархия // Православная энциклопедия. М: ЦНЦ «Православная энциклопедия», Т. 9, 2005. С. 247.

1500 человек[1]). Несмотря на то, что этот показатель был даже ниже среднероссийского (в конце XIX в.: 1 священник и 1 причетник – на 1700 чел.), сильная разбросанность северных приходов затрудняла несение пастырского долга. Многие приходские селения находились в нескольких десятках верст от церкви. Духовенству приходилось, зачастую, до 1/3 часть суток тратить на то, чтобы добраться на лошадях до отдаленных деревень для требоисполения. Вынужденные давать, к тому же, по 5-6 уроков в день в качестве законоучителей с поездками за 5-10 верст в день в различных направлениях, из одной школы в другую, священники, как уже отмечалось выше, пребывали постоянно «в крайнем напряжении».

Монастырское население, в отличие от относительно стабильного количества самих обителей, менялось значительно. Секуляризационные процессы XVIII века привели не только к закрытию многих монастырей в крае, но и к опустению большинства из сохранившихся. В 1885 г. на Вологодчине, славившейся некогда многочисленными обителями, действовали только 10 штатных и 9 заштатных монастырей с общим количеством насельников в них - 462 чел. (117 в мужских и 144 в женских штатных обителях, 201 – в заштатных монастырях). В мужских штатных обителях вместо положенных по штату 110 монашествующих подвизалось только 79 иноков[2]. Единицы из монастырей объединяли многочисленную братию (Тотемский Спасо-Суморин, Троицкий Стефано-Ульяновский), в большинстве же обителей проживало не более 15 – 18 насельников из числа братии, среди которых монашествуюших было по 4 - 6 человек. Вместе с неуказными послушниками (находящимися на испытании, не зачисленными в состав братии) в монастырях епархии обычно проживало по 25 - 30 человек. Уровень жизни и соответственно масштаб монастырской благотворительности

[1]Хайдуров М.В. Духовенство в социальной структуре Усть—Сысольского уезда первой половины XIX века (некоторые аспекты) // Социальное служение Русской Православной Церкви: исторический опыт и современное состояние. Материалы научно-практической конференции. Сыктывкар, 1998. С. 82.

[2] Всеподданнейший отчет Обер-прокурора Святейшего Синода К.Победоносцева по ведомству православного испове- дания за 1885 год. - СПб.: Синодальная типография,1887. С . 2 (прилож.).

в штатных обителях ограничивался небольшим размером казенного содержания или же вообще отсутствием его в соответствии с их классностью, состоянию в штате. В 1890 – 1891 гг. в епархии не было ни одного первоклассного монастыря. Из того же, что и 5 лет назад количества обителей, действовали следующие по классности монастыри - мужские: 2 второклассных, 6 третьеклассных; женские: 2 третьеклассных[1], остальные - заштатные.

На рубеже веков, ознаменовавшемся некоторым духовным и хозяйственным подъемом в монастырской жизни, заметные изменения были связаны с женским иночеством. Во-первых, увеличилось количество женских монастырей - за счет преобразования некогда мужских монастырей - Арсениево-Комельского, Троице-Гледенского - в женские, а также образования новой женской обители: Кылтовского Крестовоздвиженского монастыря в Яренском уезде в 1893 г.[2] Во-вторых, в первое десятилетие XX в. увеличилась численность насельниц (прежде всего – послушниц) в обителях, а также в целом соотношение насельников и насельниц в монастырях епархии. Оба этих обстоятельства были не характерны для Севера России[3]. Так, если в 1847 г. в 20-ти монастырях епархии проживало 129 монахов и 30 монахинь (+ 235 послушников и 122 послушниц)[4], в 1902 г. в 22 обителях - 210 монахов и 48 монахинь (+78 послушников и 125 послушниц)[5]; то через десять лет – в 1912 г. - в тех же 22 монастырях значилось, по данным исследователя истории Православной Церкви на Севере России А. Камкина, 196 монахов и 81 монахиня, а также вместе с

[1] Всеподданнейший отчет Обер-прокурора Святейшего Синода К.Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1890-1891 годы. - СПб.: Синодальная типография,1893. С. 118, 126-127 прилож.

[2] См.: Камкин А.В. Православная церковь на Севере России… С. 87-88.

[3] Там же. С. 88.

[4] ГАВО. Ф. 496 Оп. 1 Д. 11476 Годовой отчет за 1847 г. Л. 1.

[5] ГАВО. Ф. 496 Оп. 1 Д. 11476. Годовой отчет за 1847 г. Л. 1.

зачисленными в братию послушниками и послушниками на испытании 617 насельников и 969 насельниц[1].

Вместе с тем, общее монастырское оживление на рубеже веков не сопровождалось восстановлением традиционного социального служения монастырей в полном объеме. И это было закономерным итогом длительного спада иноческой. жизни и угнетенного состояния духа монашествующих. Предельно откровенно отразил это положение насельников вологодских монастырей в 1910 г. настоятель Корнилиево-Комельского монастыря игумен Нифонт в отчете о деятельности обителей 1 округа (6 монастыре и 3 пустыни).: «По внешности все монастыри благоустраиваются… Напротив, … духовная жизнь монашествующих видимо угасает и не приносит добрых плодов. Обеты … исполняются только наружно без внутреннего сердечного расположения.. …Вследствие ли слабого внимания настоятелей и настоятельниц монастырей на духовно-нравственную жизнь вверенных их попечению лиц или же уже вследствие испорченности нравов последних пришлось заметить: в мужских монастырях злоупотребление спиртными напитками, а с ними и другие пороки, в женских – некоторое уклонение от монашеской жизни…»[2].

Как и в целом в России, почти весь клир епархии являлся выходцами из духовного сословия.

Материальное положение причтов храмов в рамках изучаемого периода менялось. Сравнение степени удовлетворенности духовенства своим содержанием, отраженное в клировых ведомостях 60-х и 90-х гг. XIX в., говорит о постепенном ухудшении его материального положения. Проиллюстрируем это на примерах типичных сельских приходов епархии, каковых было, как указывалось, большинство. В 1859 г. в Вологодском уезде клир (священник + дьякон на причетнической должности) церкви Димитрия Солунского, находящейся в 78 вестах от губернского центра и

[1] Камкин А.В. Православная церковь на Севере России... С. 88

[2] ГАВО. Ф. 496. Оп.1. Д. 18729. Л. 5-6.

обслуживавшей 767 прихожан, имел в качестве жалованья 96 руб. годового казенного содержания. Кроме того, причт (в их число входил также сверхштатный пономарь) получил следующие доходы: кружечного сбора за требоисполнение, проценты от банковских билетов; натуральные доходы в виде овса, печеного хлеба, масла и яиц за «славление» в праздники Рождества, Богоявления и Пасхи, а также доходы от землепашества и огородничества (скотоводство не дало прибыли) – всего на сумму 190 руб. 81 коп. Итого клир получил за названный год 286 руб. 81 коп. доходов. По оценке благочинного округа, материальное содержание духовенства прихода - «порядочное»[1]. Так же оценивается оно и в других приходов этого же уезда – Покровской церкви «на Пучке» (в клире – священник, диакон на причетнической должности, пономарь; обслуживала 806 чел.; доходов за год – 491 руб. 13 руб., из которых 147 руб. – клировый оклад от казны) - «содержание достаточное»; Фрязиновской Георгиевской церкви (в клире священник, дьячек и пономарь; обслуживала 835 чел.; доходов 438 руб. 75 коп., из них - 150 руб. жалования от казны) – «содержание порядочное»; Покровской церкви, что в Сяме», (в клире священник, дьякон, пономарь; обслуживала 1694 чел.; 1319 руб. доходов в год, из которых 168 руб. –оклад от казны; ружное содержание – до 140 пудов ржи и овса) – «содержание хорошее»[2] и т.д.

В 1890 г., оценки меняются на противоположные. Так, клир упоминаемой Пучининской Покровской церкви, окормлявший 758 прихожан, получил всего 232 руб. 4 коп. Из-за уменьшения числа прихожан снизился клировый оклад - 96 руб.

В денежном выражении духовенство получило в 2 раза меньше доходов, чем 30 лет назад. С учетом удорожания жизни (четверть ржи – это 9, 5 пудов, в 1859 г. в том же Вологодском уезде стоила 2 руб. 50 коп., овса – 1 руб. 60 коп., пшеницы – 4 руб. 50 коп. ; спустя 30 лет – соответственно 6 руб., 2 руб. 50 коп., 6 руб. 65 коп.) материальное обеспечение духовенства ухудшилось

[1] [1] Там же. Д. 496. Оп.4. Д.19. Л. 777, 777 об., 778.

[2] Там же. Д. 96. Л. 671 – 676 об.; 773-775 об.; 589-591.

значительно и оценивалось, как «скудное» в Пучининском приходе, и «посредственное», «самое скудное» – в подобных других приходах[1].

В начале XX в. ситуация оставалась та же. В 1909 г. высший оклад жалованья от казны священника составлял 300 руб., диакона – до 150 руб. и псаломщика – 100 руб., а низший для священника – 96 руб. и псаломщика – 24 руб.[2]

При таком финансовом обеспечении духовенство получаемым жалованием не было удовлетворено. Многосемейным, каковой была большая часть священства, трудно было сводить концы с концами. Другой источник существования причта – земледелие - тоже не оправдывал ожиданий из-за непредсказуемости погодных условий Севера – «зоны рискованного земледелия» - и чрезмерной занятости по исполнению богослужебных и внекультовых обязанностей (неоплачиваемое законоучительство, духовно-нравственное воспитание. Как видно из сообщений духовенства Кадниковского уезда в 1910 г., ввиду дороговизны рабочих рук и невозможности наблюдать за работой нанятых для возделывания земли, многие члены причта отдавали ее в обработку за половину урожая[3].

При нестабильности и незначительности основных источников средств существования духовенства, важное значение имела так называемая руга - пожертвования прихожан продуктами сельского хозяйства, деньгами, вещами. Однако, в связи с бедностью крестьянского населения и вследствие изменения его отношения к содержанию духовенства в результате упоминаемой реформы приходской сети, руга постоянно снижалась, размер ее зависел полностью от усердия и расположения прихожан к местному священству. Так, благочинный 5 округа Тотемского уезда священник Николай Юшков отмечал в 1910 г.: «Кроме жалованья от казны и выгод от хозяйства … источниками доходов духовенства служат сбор зернового хлеба, масла, яиц и

[1] Там же. Д. 96. 1208-1209.; 1213; Там же. Д. 16. Л. 777; Там же. Д. 96. Л. 838 об, 1205 об., 1110., 123 об.
[2] Там же. Оп. 1. Д. 18729. Л. 409 .
[3] Там же. С. 238 об.

т.д., но сборы эти с каждым годом… вследствие обеднения самих дателей…постоянно уменьшаются, само духовенство этими сборами тяготится, как по унизительности их для духовенства, так и по их ничтожности, причем вымогательства нигде от народа не допускается»[1]. Особенно затруднительным был сбор руги в неурожайные годы, когда нередко прихожане отказывались не только от руги, но и вообще жертвовать на причт. По данным обер-прокурора Синода, из собранных в 1904 г. в Вологодской епархии 21395 руб. 57 коп. пожертвований на вспоможение духовенству направлено – 0[2].

Нельзя забывать также и о расходах духовенства на гужевой транспорт, ибо как уже отмечалось, поездки в дальние приходы для требоисполнения и частые переезды, связанные с законоучительством («безмездным» чаще всего) в различных церковных и светских школах, требовали значительных трат. Компенсация от епархии за разъезды полагалась лишь отдельным особо отдаленным приходам.

Таким образом, по уровню достатка приходское духовенство мало чем отличалось от крестьян. Оно разделяло с ним зависимость от непредсказуемого северного земледельческого хозяйства, низкое штатное содержание не обеспечивало его материального положения, а ружное содержание, представляя собой пережиток предшествующих договорных отношений прихожан и причта, давно изжило себя и нуждалось в изменении.

Все это говорит о нелегких условиях служения духовенства в Вологодской епархии. Большая ответственность, которая при этом на него возлагалась по повышению грамотности, культурно-нравственного уровня населения, улучшению материального быта и физического здоровья прихожан, являлась дополнительным бременем и не всегда встречалась с

---

[1] Там же. Л.. 410.

[2] Всеподданнейший отчет Обер-прокурора Святейшего Синода К.Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1903-1904 годы. - СПб.: Синодальная типография. С.94-95 (2-я паг.).

энтузиазмом. Вследствие сказанного и развития в конце XIX в. системы гражданской взаимопомощи и просветительства традиционное социальное служение Церкви в крае в указанный период приобретает вспомогательный характер, отличаясь корпоративной направленностью. Оживление этой работы фиксируется в период реформ 60-х гг. в связи с выходом «Положения о православных церковных братствах» и «Положения о церковно-приходских попечительствах», позволившим духовенству и прихожанам более активно включиться в общественную деятельность. Подъем милосердно-благотворительной деятельности епархии отмечался в годы народных бедствий, просветительской активности – в период реформы начального народного образования.

Социальная защита Церкви в большей степени распространялась на представителей духовного ведомства – заштатных священноцерковнослужителей, вдов и сирот духовенства. По указу 1823 г. в рамках Попечительства о бедных духовного звания организуется деятельность аналогичного епархиального попечительства и его уездных отделений на местах. В 60-е годы в Вологодской епархии создается 51 попечительский совет о призрении бедных духовного звания. Размер получаемых из попечительств единовременных пособий простирался до 30 - 70 руб., минимальный – 6- 8 руб. [1]

Больницы и богадельни при храмах и монастырях епархии появляются вновь с 1891 г., количество их растет медленно. Помощь распространялась, прежде всего, на «сиротствующих» представителей духовного ведомства, призрение же прочих лиц исчислялось единичными случаями. Монастырское попечительство о нуждающихся выражалось в предоставлении нищим и бедным паломникам ночлега и питания в течение 1-3 дней в обительских странноприимных домах, иногда – в выделении им небольшого денежного пособия, одежды и обуви. Поддержка населения заключалась главным

[1] ГАВО. Ф. 496. Оп. 4. Д. 96. Л. 670 об., 682 , 841 об.; Д. 19. Л. 681 об.

образом в предоставлении работы, возможности получения ремесленных навыков в мастерских обителей, выделении ссуд в трудные времена. Приходская благотворительно-просветительская деятельность стала развиваться с распространением с 70-х гг. сети приходских попечительств и созданием на рубеже веков церковно-общественных организаций. Участие епархии в просветительской работе, акциях по сбору пожертвований в адрес различных благотворительных обществ, в периоды народных бедствий и войн и пр., централизованно направлялось Синодом и Духовной консисторией посредством издания соответствующих указов и определений.

Завершая краткую характеристику края, отметим такую специфику Вологодчины в контексте рассматриваемой темы, как почитание ее соотечественниками в качестве особого, сакрального, места в России - «Северной Фиваиды». Большое количество монастырей, прославленных духовными подвигами подвижников веры, иные святыни, связанные с подвизавшимися здесь некогда местночтимыми и канонизированными Церковью святыми, веками привлекали на Вологодчину множество паломников, в том числе и царствующих особ. Эта специфика края накладывала свой отпечаток на мироощущение и повседневный быт его жителей, определяя их особую восприимчивость к христианской проповеди любви и милосердия. Об этом свидетельствуют и отзывы современников о вологжанах: «Простой народ, несмотря на свою материальную несостоятельность, великим грехом считает отказать бедному нищему и затворить перед ним двери своего дома»[1], «…человеколюбивая благотворительность населения… выражается …в подаянии помощи людям, постигшим какое-либо несчастие, …они охотно и с любовию помогают им своими личными трудами – запахивать землю, помогать убирать хлеб, докармливают осиротевшую семью, привозят погорельцам лесу, оказывают помощь странникам, давая им приют и пищу, любят подать милостыню нищим, даже самые бедные крестьяне, покупающие хлебы для себя и то

[1] ГАВО. Ф. 496.Оп.1.Д. 18729.С. 131.

считают непременною своею обязанностию подать кусок хлеба просящему именем Христовым»[1].

© Н.А. Дойникова

ОРГАНИЗАЦИЯ И ПРОВЕДЕНИЕ АНТИРЕЛИГИОЗНОЙ И АГИТАЦИОННО-ПРОПАГАНДИСТСКОЙ РАБОТЫ В ЗАПАДНЫХ ОБЛАСТЯХ БЕЛАРУСИ (СЕНТЯБРЬ 1939 – ИЮНЬ 1941 гг.)

Деятельность религиозных конфессий в Беларуси в различные периоды истории все больше привлекает внимание общественных наук. Думается, что такой интерес возник не спонтанно, он обусловливается многими факторами - историческими, конфессиональными, этническими, культурными, социальными, политическими и т.д. Стык двух культурных слоев - византийского и латинского - был извечной специфической особенностью истории Беларуси (в значительной степени для ее западного региона), фактором, оказывающим до сих пор огромное влияние на многие стороны общественно-политической, культурной жизни народа, межнациональные и межконфессиональные отношения.

Важной вехой в истории Беларуси явились события 17 сентября 1939 года, когда западные области Беларуси были заняты советскими войсками.

К сожалению, история взаимоотношений между Церковью и Государством в рассматриваемый период недостаточно изучена. Не являются исключением и работы белорусских историков по освещению взаимоотношений Церкви и советской власти в Беларуси. Объясняется это в первую очередь полным игнорированием церковной проблематики советскими исследователями как неактуальной, а также тем, что долгие годы многие документы хранились под грифом «совершенно секретно».

[1] Там же. С. 98.